

Чурило и неверная жена (3)

Нападала пороха снегу белого,
Не во пору пороха, нынь не вовремя,
Да середка-де лета — о Петрова дни.
По этой же порохе снегу белого
Не белой-де заюшко проскакивал,
Не чернохвост горносталь да тут пропрядывал —
Молоды душа Чурило да тут прохоживал
Да к тому Пермяте да к молодой жоне.
Да заходит бы он да на крылечико,
Кабы брякался он да во колечико,
Да выходит Настасья дочь Колашнича,
Отпирала она да двери на́ пету,
Да брала молодца за белы руки,
Человала молодца в уста сахарный,
Проводила его да в лёжню-спальню нонь.
Кабы зажил тут Чурило по-домашному:
Да кушак-от бы вешал он на спичечку,
А пухов-де колпак кладёт на полочку,
Да софьянны сапожки кладёт под лавочку,
Да ложилса на кроватку да на тесовую
Да с тою-де Настасьей да со Колашницей,
Да на те же перины да на пуховыи.
Да была Пермяты ищэ служаноцька,
Говорила она да таково слово:
«Уж ты ой еси, Чурило да блады Плёнкович!
Ты не парь же кишку да во чужом горшку,
Да пойду к Пермяте да я нажалюсе».
Говорит-то Чурило да блады Плёнкович:
«Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
Не ходи к Пермяте, да ты не сказывай,
Да куплю я тебе да в косу лентацьку,
Заплацю я за ленту двадцать пять рублей».
Да на то-де девчонко да не сдавайтце,
Говорит-де она да таково слово:
«Уж ты ой еси, Чурило да блады Плёнкович!

Ты не парь же кишку да во чужом горшку,
А пойду к Пермяте да я нажалюсе».
Говорил-де Чурило да блады Плёнкович:
«Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
Не ходи к Пермяте, да ты не сказывай,
Да куплю я тебе да нонь шубеечку,
Заплачу за шубейку да петъдесят рублей».
Да на то же девчонко да не сдавайтце,
Да пошла-де девчонко да вон на улицу,
Да пошла-де девчонко да во божью церковь,
Говорила она да таково слово:
«Уж ты ой есь, Пермята да сын Иванович!
Да у нас-де в садах да не по-старому:
Заскоцил-де в сады да как чужой же конь,
Да стоптал бы траву у нас шёлковую».
А на то Пермята да был догадливой,
А пошел же бы он да из божьей церкви,
Да заходит бы он да в лёжну-спальню нонь,
Говорит же Пермята да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Настасья да дочь Колашница!
Эта цей как весится шёлков кушак?
Эта цей-де лежит да нонь пухов колпак?
Эта цьи-де лежат да нонь сапожоцьки,
Да сапожки лежат да нонь софьянные?
Да бы цей же у нас да ноньце доброй конь?»
Говорит тут Настасья да дочь Колашница:
«Уж ты ой есь, Пермята да сын Иванович!
Да ходила я по городу по Киеву,
Кабы видела купцей, людей торговых,
Они ездят на конях всё на добрых,
Кабы носят-де шапоцьки пуховыя,
Кабы носят кушаки да всё шёлковыя,
Кабы носят сапожки да сафьянныя —
Да купила тебе да носить в праздники,
Да купила коня да тебе доброго,
Кабы ездить во церковь да во божью нонь».
Да пошёл Пермята да сын Иванович
Да ко той ко кровати ко тесовой,
Розмахнул-де бы он да новы зăвесы,

Да стенил одияло да соболиное —
Да лежит-де Чурило да без почтанников.
Как-де брал-де Чурила за жёлты кудри,
Да метал-де его да на кирпичат пол,
Да вытаскивал его да вон на улицу,
Да везал бы коню да за хвост ноньце,
Да спустил бы коня да во чисто полё.
Да заходит назад да в лёжну-спальню нонь,
Говорит Пермята да таково слово:
«Уж ты гой еси, Настасья да дочь Колашнича!
Уже што ле тебе да ноньце надобно?»
Говорила Настасья да дочь Колашниця:
«Кабы где же ле нонь да как есен сокол,
Кабы тут же ле быть да белой лебеди!»
Кабы взял Пермята да молодую жону,
На одну-де ногу да он ступил ноньце,
Как другу-де ногу да у ей оторвал,
Да служанку же взял да за себя взамуж.

*(Зап. Ончуковым Н. Е.: май — июнь 1902 г., д. Верхнее Бугаево (на р. Печоре)
Усть-Цилемской вол. — от Шишолова Василия Дорофеевича, 40—45 лет.)*

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.